

Научная критика / Scientific criticism

УДК 82-9 : 005

Александрова Ирина Викторовна
Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Таврическая академия, ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
Российская Федерация, Симферополь,
e-mail: iva-510@mail.ru

«СМУТНОЕ» ВРЕМЯ 1917–1921 ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

(размышления официального оппонента над страницами диссертации)

В августе 2017 года мне довелось побывать в качестве оппонента в Донецком национальном университете на защите диссертации Лилии Александровны Ракитовой, представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по двум специальностям: 10.01.01 — русская литература и 10.01.08 — теория литературы, текстология. Знакомство с этой работой вызвало большую радость за молодую Донецкую Республику, не отринувшую проблемы науки в трудное для себя время и возвращающую молодые научные кадры, а также побудило к размышлениям над некоторыми аспектами литературоведческого характера.

Irina V. Aleksandrova
Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian and Foreign Literature,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

**THE «TROUBLED» TIME OF 1917–1921 IN THE MIRROR
OF WRITER PUBLICISM
(reflections of the official opponent over the pages of the dissertation)**

Для цитирования:

Александрова И. В. «Смутное» время 1917–1921 годов в зеркале писательской публицистики // Гуманитарная парадигма. 2018. № 2(5). С. 97–102.

На протяжении своей многовековой истории Россия неоднократно оказывалась охваченной драматическими событиями «смутных» времён: это и почти двадцатилетний период крестьянских войн и борьбы с иностранной интервенцией на рубеже XVI – XVII веков, и петровские реформы, и испытание Отечественной войной 1812 года, и политический кризис, обусловивший восстание на Сенатской площади, и революция 1917 года, и последовавшая за тем гражданская война, и «лихие» 90-е XX века. Понятие «смутное время» для России стало поистине нарицательным, поэтому в своём трагичном значении и тревожных смыслах оно точно и однозначно прочитывается в названиях разного рода произведений, как рубежа XIX–XX веков (например, А. И. Деникин назвал свои воспоминания «Очерки русской смуты» (1921–1926), так и нового тысячелетия (Никоноров Н. Смутное время XXI века (Белгородская правда, 2015.)); Стариков Н. Русская смута XX века (СПб, 2017)).

1917–1921 годы явились для нашей страны периодом тяжелейших политических и социальных потрясений. Истинный драматизм наиболее острых периодов в истории любой нации — неизменно ценнейший материал для литературно-художественных интерпретаций, неизбежно вызывающий интерес современников и потомков. Именно к текстам, созданным в это время и запечатлевшим проявления социально-культурного катаклизма столетней давности, и обращается в своей работе Л. А. Ракитова. Стремление молодой исследовательницы «прочитать» литературную ситуацию периода очередной «Русской Смуты» через призму публицистического творчества А. И. Куприна, М. А. Волошина, А. Т. Аверченко и Л. Н. Андреева представляется весьма интересным и, безусловно, примечательным и назидательным для нас сегодняшних. Диссертантка берёт на себя смелость пересмотреть идеологические шаблоны восприятия общественно-исторического и литературного процессов исследуемого периода с точки зрения изменившейся в постсоветскую эпоху аксиологической парадигмы и делает это научно доказательно, с привлечением значительного корпуса теоретико- и историко-литературных трудов и с опорой на обширный философско-культурный контекст — работы А. А. Блока, М. А. Булгакова, И. А. Бунина, З. Н. Гиппиус, Н. Тэффи, М. И. Цветаевой, И. С. Шмелева, И. Г. Эренбурга, С. К. Маковского, Д. С. Мережковского, А. И. Деникина, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, П. Б. Струве, Ф. А. Степуна.

Несмотря на наличие литературоведческих трудов о специфике художественно-публицистических текстов, методология их анализа ещё не может считаться разработанной в полной мере, поэтому и изучение теоретических аспектов поэтики произведений писательской публицистики, и рассмотрение в данном ракурсе творчества известных поэтов и прозаиков, но и менее талантливых публицистов не может не быть оценена по достоинству. Обоснование феномена писательской публицистической прозы в контексте системы художественной практики её создателей, в свете литературно-художественной специфики такого рода текстов, отличных от иных видов прозы и, прежде всего, от собственно художественных произведений, а также специфики научно-теоретической и теоретико-методологической их трактовки в советской, а затем постсоветской науке — интереснейшая исследовательская задача. При этом столь строгая и понятная в своей логике последовательность научных изысканий, возможно, даже их избыточная традиционность потребовала введения дополнительной исследовательской категории. Таковой в оппонируемой нами работе стала категория «авторская стратегия». В её преломлении публицистические статьи, очерки, фельетоны А. И. Куприна, М. А. Волошина, А. Т. Аверченко и Л. Н. Андреева трактуются как текстовые воплощения индивидуальных авторских стратегий, отразивших идейно-нравственную рефлексию современных писателям социальных и культурных процессов в рамках художественно-стилевых особенностей творчества каждого из авторов. На основе многоуровневого анализа публицистических текстов выделены четыре типа восприятия революции писателями антибольшевистского направления: «сопричастность» (А. И. Куприн), «индивидуализм» (А. Т. Аверченко), «нонконформизм» (М. А. Волошин), «обречённость» (Л. Н. Андреев).

Работа с категорией «авторская стратегия» потребовала размышлений над таким базовым для индивидуальных авторских художественных практик контекстуальным комплексом, как «действительность — автор — текст — читатель». Поднимаемая проблема не может быть обстоятельно осмыслена без обращения к теории автора и авторской позиции, следовательно, необходимо весомое обоснование связи художественной публицистики с формами авторского присутствия и оценки. В работе убедительно доказывается, что предложенная В. И. Тюпой концепция художественного произведения как «дискурса — трехстороннего коммуникативного события: автор — герой — читатель» [2, с. 102] к художественно-публицистическому тексту применима лишь отчасти, так как обозначенная триада в нём, как правило, редуцируется до двух компонентов: автор может выступать и в роли публицистического героя, «повествование ведётся от имени представителя определённой культурной, общественной, интеллектуальной общности,

представителем которой выступает писатель-современник» [1, с. 70]. С другой стороны, справедливо утверждение, что «особенностью художественно-публицистических произведений является тождественность автора и героя» [1, с. 218]. И здесь возникает вопрос: во всех ли случаях применимо выражение «автор-герой» и верно суждение о том, что «публицистический герой <...> выступает носителем индивидуального авторского сознания» [1, с. 193]? Так, в очерке-некрологе А. И. Куприна «Кровавые лавры» героем является адмирал А. В. Колчак, а в портретных очерках «Генерал П. Н. Врангель», «О Врангеле», «О преемственности» — соответственно, П. Н. Врангель, но их вряд ли можно считать «носителями авторского сознания».

Проблемно-тематическая специфика русской писательской публицистики периода 1917–1921 годов в совокупности с осмыслением её жанрово-стилевых особенностей определяет необходимость выявления структурно-типологических и языковых аспектов исследуемых текстов. Их анализ дал основание для ряда перспективных рассуждений. В частности, о смысловой параллели фельетонов А. А. Аверченко с бердяевскими концепциями о специфике национальной ментальности. Социально-нравственная позиция Аверченко, воплощённая в произведениях писателя, представлена в контексте взглядов на революционную действительность и будущее России его современников — А. Блока, М. Волошина, М. Булгакова. Анализ композиционно-стилистических составляющих фельетонистики А. Аверченко дал основание выделить такой несколько метафорически названный и оттого звучащий двусмысленно аспект, как «многоликость авторской позиции» [1, с. 121], хотя, по сути, речь идёт о множественных способах выражения авторской оценки действительности первых революционных лет.

Сильным местом работы стал анализ самобытной историософской системы М. А. Волошина и её воплощения в его публицистике, наблюдения над преемственностью идей Н. А. Бердяева в мировоззренческой системе поэта. Убедительно выделены широкий спектр и функциональное значение художественных приёмов, характерных для волошинской публицистики, — ирония, сарказм, гротеск, парадокс, контраст. Однако обзор научной литературы о творчестве М. Волошина содержит упоминание лишь нескольких статей, двух монографий и двух диссертаций волошиноведов. Его неполноту вполне восполнили бы новейшая монография С. М. Зайца «Мифотворчество и религиозно-философские искания Максимилиана Волошина на перепутьях Серебряного века» (2016), диссертационные исследования В. В. Палачевой «Поэма „Путями Каина“ в контексте культурфилософских исканий М. А. Волошина», О. Б. Бачевой «М. Волошин

и В. Брюсов: Литературно-критический диалог», В. В. Чагиной «Историософские и психологические аспекты концепции России в поэзии Максимилиана Волошина», поднимающие сходные проблемы, пусть и на ином материале, а также труды крымских исследователей (например, здесь весьма пригодилась бы основанная на документальных источниках диссертация И. Г. Киреевой «Проблема творческой личности в литературно-критическом наследии М. А. Волошина»).

Верно отмечена основная особенность индивидуальной авторской манеры Л. Н. Андреева-публициста. Противоречивость идейных воззрений этого автора обусловлена, с одной стороны, их романтико-идеалистическим наполнением, подосновой которого выступает связь воззрений писателя с философскими концепциями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше; с другой, особой патетикой в осмыслении судеб России сквозь призму евангельских сюжетов, образов и аналогий — приём, характерный для всего, прозаического и драматургического, творчества Л. Андреева.

При стремлении к полноте и сбалансированности, избранный диссертанткой подход к анализу публицистики авторов всё же не отличается от предпринятых другими исследователями данной литературной эпохи и авторов, рассматриваемых отдельно. Более значительным и самым значимым, на наш взгляд, является сопоставительный анализ публицистики писателей и их художественного творчества, установление общности стилистических приёмов и образности, данный в завершающей части работы. Это позволяет интерпретировать публицистическую прозу как один из элементов единой творческой системы каждого автора и его индивидуального писательского стиля. Однако если в случае с М. Волошиным и Л. Андреевым этот аспект рассмотрен детально, то художественная практика А. И. Куприна как претекст его публицистической прозы осмыслена, на мой взгляд, недостаточно обстоятельно. Есть в оппонируемом нами исследовании и иные моменты, требующие дополнительных разъяснений и уточнений. Так, говоря об автореферентальности как одном из важнейших литературно-художественных приёмов, характерных для писательской публицистической прозы, Л. А. Ракитова в качестве аргумента приводит лишь статью-лекцию М. А. Волошина «Россия распятая». Возникает сомнение: достаточно ли одного примера, чтобы утверждать значимость этого качества для всей писательской публицистики 1917–1921 годов? Более серьёзного подтверждения требует и тезис исследовательницы о жанровой диффузии как характерном свойстве литературы «промежутка» [1, с. 219].

Автор работы понимает термин «писательская публицистика» как «жанр литературных произведений, функционирующий на стыке художественной и публицистической прозы» [1, с. 217]. Если писательская публицистика — это жанр, то чем тогда являются очерк, статья, фельетон? Может, правильнее было бы назвать публицистику писателей *системой жанров*, совмещающих художественное и публицистическое начала?

При этом важно одно: исследовательский вектор, связанный с расширением корпуса художественно-публицистических текстов за счёт привлечения произведений авторов противоположной идеологической направленности, — весьма перспективное направление научных литературоведческих штудий.

Литература

1. Ракитова, Л. А. Писательская публицистика 1917–1921 гг.: жанровое и проблемно-тематическое своеобразие: дис. ... канд. филол. наук: специальности 10.01.01; 10.01.08. Горловка : Горловский институт иностранных языков, 2017. 257 с. Библ. 233–257.

2. Теория литературы: в 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. М. : ИЦ «Академия», 2004. 512 с.

~